

Глава 1

15:00 Ice blonde: «...Не стало моей мамы. Самой красивой и замечательной, самой доброй и заботливой...» — мой палец зависает над клавиатурой. Нужна душераздирающая цитата, и тогда моих подписчиков просто разорвет от горя. Срочно обращаюсь за советом к Гуглу, и он выдает: «Мама, я не забыл, что одиночество — это сад, где ничего не растет»*.

Это подойдет. Вкупе с милой картинкой, воспевающей чудеса материнской любви, и грустной песенкой полторы тысячи лайков пост определенно наберет. Неплохо.

Кликаю «Разместить», и спустя пару секунд счетчик лайков начинает набирать обороты.

Мой паблик. Я живу этим пабликом, в моем чертовом городе на него подписаны даже собаки. Его хозяйка — крутая дерзкая блондинка с бюстом третьего размера — мое альтер эго. Через нее я транслирую в Сеть свои самые сокровенные переживания и мысли и нахожу горячий отклик в умах подписчиков. Хотя многие тупо просят показать им сиськи.

* Цитата из романа Марка Леви «Встретиться вновь» в пер. А.Ю. Кабалкина.

Не хочу никого разочаровывать, но у настоящей меня их нет. Мне шестнадцать, а я плоская, как доска, и от матери мне достался ангельский фейс типажа Алисы Селезновой из старого детского фильма. И этот фейс я ненавижу.

* * *

Длинные красные лучи заходящего солнца протянулись через всю гостиную, в углах и пустотах моего огромного дома уже притаилась темнота.

Тошно.

Отец звонит и говорит, что вернется поздно, — утрясает формальности.

Я ухмыляюсь: кому он пытается врать? Сейчас он где-то молча надирается в одиночестве, пытаюсь залить спиртным свое чувство вины.

За огромными сводчатыми окнами в саду топчется сопливый простуженный март.

Я периодически обновляю страницу: два лайка за три секунды. Сотни слов соболезнований. Все хорошо.

Итак, ее больше нет. Никчемная высохшая кукла, задолго до этого переставшая быть человеком, наконец избавила нас от своего присутствия.

Мои глаза опухли от слез, нос щиплет, с него льет. В памяти чередой меняются картинки, на которых мы с Леной, моей одноклассницей и лучшей подругой, и нашими мамами возвращаемся из цирка, салон маминой машины наполнен веселыми разговорами, смехом, раз-

Мы носим лица людей

ноцветными воздушными шарами, запахом сахарной ваты и звуками музыки.

Сколько лет назад это было? Первый класс... Лени-на мама ни капли с тех пор не изменилась, а вот моя мама умерла. На самом деле моя мама уже очень давно умерла.

Глава 2

Сегодня я имела честь в первый и пока единственный раз в жизни лицезреть свою полоумную бабку. Вминальном зале она накинулась на отца с кулаками и вопила на всю округу, что он — убийца и злодей, а отец лишь молча стоял, опустив голову.

— Не боюсь твоих когтей!.. — громко крикнула я и засмеялась, а бабка в растерянности заткнулась и уставилась на меня. Я даже из-за стола не встала, чтобы поприветствовать эту наглухо больную старуху.

— Даш, ты зачем это ляпнула? — принялась возмущаться сидящая по левую руку Лена. — Она понесла такую же утрату, как и ты. Пусть у них с твоим папой отношения не сложились, но из уважения к памяти мамы...

Я чуть не огрела Ленку тарелкой.

Она все про меня знает. Но при этом ни хрена не понимает.

— Захотела — и ляпнула. Кстати, я вечером с Ольгой и Мартой на квартиру к Стасу иду. — Я со злорадством заметила, что Лена слегка покраснела. — Выдохни! Тебя туда не звали.

Обиженно засопев, Лена приступила к поглощению блина с медом.

Мы носим лица людей

Я знаю, что она с первого класса сохнет по Стасу. Но его тусовки предназначены только для избранных, и она в этот круг не входит.

— Меня бы все равно мама туда непустила... — проямлила Лена и тут же осеклась: — Ох, прости...

* * *

Я захопываю ноутбук и направляюсь к отцовскому бару. Этот бар, несмотря на папино пагубное пристрастие, регулярно пополняется нашей добросовестной приходящей домработницей. Вот и в этот раз она сработала идеально.

Моя бледная тонкая рука хватается за горлышко ближайшую бутылку, и худые босые ноги несут вместе с добычей в сторону лестницы, и дальше — в пыльную детскую комнату.

Примостившись на кровать, я прихлебываю из горлышка обжигающее пойло и ярко и броско крашусь.

Я ненавижу свое невинное ангельское лицо. Оно слишком похоже на перекошенное в вечно застывшей улыбке пустое лицо матери. Косметикой я пытаюсь уничтожить наше сходство, но оно проступает еще явственнее...

На столике резко подпрыгивает и раздражается жужжанием телефон.

Дьявол!

Входящий вызов — Марта.

Глава 3

Г рაციозной походкой пантер мои одноклассницы — Марта и Оля — вышагивают рядом со мной к кафешке, где мы обычно зависаем по вечерам и пьем черный кофе. Мы веганши и ЗОЖницы, но иногда, в разговорах в школе, как бы невзначай громко и во всеуслышание признаемся друг другу, что страдаем от анорексии.

В холле сдаем гардеробщице куртки. Сложив на свободный стул сумки с логотипами известных брендов — из трех этих сумок настоящим логотипом сверкнула только моя, потому что папа отчехлил за нее сумму с четырьмя нулями, — мы занимаем самый лучший столик.

Я улыбаюсь:

— Что будете, девочки? — Оля и Марта тут же утыкаются носами в меню, хотя, к гадалке не ходи, снова закажут кофе. Это дома, где никто не увидит, в ход у них идут и мамкины котлеты, и бабушкины пироги, и борщ со сметаной...

Ну да, на самом деле Марта и Оля — никакие не веганши, они жрут все и в огромных количествах.

— Кофе! — выдают девчонки почти одновременно, и подошедший официант записывает их заказ.

— Жуткий холод, поскорей бы лето... — поводит плечами Марта.

— У тебя уже есть планы на отдых? — со скучающим видом спрашивает у меня Оля.

— Планируем полететь на Кипр, — отвечаю я, безмятежно разглядывая ее идеальное лицо. — А у тебя?

— Ох. — Она хмурится. — Мы не решили... Отец работает сверхурочно и пока не знает, когда ему разрешат отпуск.

— Да, мы тоже еще не определились, до лета так далеко... — вторит ей Марта.

Я ухмыляюсь, но взгляд моих голубых, как чистое небо, глаз не вызывают у девочек ни единого подозрения, что на их байки я не ведусь.

Родители Оли вкалывают на заводе, а семья Марты настолько бедна, что ей положены бесплатные обеды в столовке. Но правило нашего клуба стерв — не говорить об этом даже в нашем клубе стерв.

Оля долго трещит про сегодняшнюю вечеринку у ее парня Стаса и про то, что Ленка бросает на него слишком пристальные взгляды, и, пожалуй, ей вообще не стоит показывать носа в школе. Мы с Мартой ей радостно поддакиваем. Марта предлагает сделать в Интернете вброс о том, что у Ленки хламидии, и эта идея вызывает приступ такого дикого хохота, что люди за соседними столиками принимаются неодобрительно на нас коситься.

Перестав наконец гоготать, Оля с озабоченным видом зарывается в сумочку:

— Вот черт... Я, кажется, кошелек не взяла!

По давно заведенной традиции я поднимаю руку:

— Все нормально, девочки, я заплачу!

От меня не ускользает, как удовлетворенно они переглядываются, но мне не обидно. На самом деле они зависят от моих денег куда больше, чем я завишу от их внимания.

— Так что насчет сегодняшней вечеринки? Ты идешь с нами? — мило и фальшиво улыбается Марта.

Конечно, она догадывается, что я всеми фибрами души ненавижу тусовки у этих дегенератов и при любой возможности отказываюсь их посещать, но именно сегодня, назло папочке, я собираюсь протусить вне дома до утра, никого не предупредив.

— Ну конечно! — Я отодвигаю плетеный стул и кладу деньги на столик. — Чего мы ждем? Идем!

Я бодро улыбаюсь.

В классе никто, кроме Ленки, не в курсе того, что произошло в моей семье. Но она никому об этом не расскажет.

Глава 4

Моя угловатая тень маячит далеко впереди, ее давят пролетающие по дороге машины и автобусы, ноги ломит от высоченных каблуков, саднит содранные мозоли.

Я стискиваю зубы.

Марта и Оля ходят в удобных ботинках, потому что и так выше всех в параллели, а мне к шестнадцати годам удалось вырасти только до метра шестидесяти. Они давно носят лифчики второго размера, а для меня это большая тема. У них красивые лица и огромные карие глаза, а я похожа на ребенка. И никакие каблуки и помады не могут этого исправить.

* * *

Тусовки у Стаса представляют собой бесцельное просиживание штанов в душной трешке его родителей, которые часто смываются куда-то за город.

Я сижу в уголке дивана и с всепоглощающей жаждой исследователя, не отрываясь, смотрю, как Ольга и Стас, чавкая, вот уже минут двадцать запихивают языки друг другу в глотки. Зрелище это мерзкое, но, по непонятным мне пока причинам, завораживающее.

Я еще ни разу ни с кем не целовалась: парни не обращают внимания на низкорослых недоразвитых детишек. Но Ольге и Марте я заливаю, что кое-какой жизненный опыт у меня имеется.

В лагере... В четырнадцать лет... Вы его не знаете... Было обалденно...

Я даже почти представляю, как это было. Но этого не было.

А Стасик, не отрываясь от Оленьки, перехватывает мой взгляд и показывает мне средний палец.

Идиот.

Я краснею, но со скучающим видом отворачиваюсь и тут же вспоминаю про нагретую теплом ладони бутылку, которую мне кто-то вручил еще в прихожей.

С каждым глотком я становлюсь все взрослее и красивее. Ольга, Марта... Да они все рядом со мной не стояли! А все их дегенераты сегодня штабелями уложатся у моих ног!

Глава 5

Стены комнаты, люди, предметы — все размывается и приходит в движение. Зачем я так напилась? Вокруг разворачивается настоящий парад тщеславия: веганши и качки, за всю жизнь не прочитавшие ни одной книги, пускают в ход все свое обаяние и скудные умственные способности, чтобы очаровать выбранного самца или самку. Ни одной живой и заинтересованной во мне души. Ну что ж, я сама на это подписалась.

Чтобы позлить папочку. Чтобы просто обратить на себя его внимание.

Но телефон до сих пор растерянно молчит — значит, про меня так никто и не вспомнил. Значит, мой огромный дом все еще пуст...

Диван рядом со мной прогибается под весом какого-то пьяного придурка, я собираюсь огрызнуться, но затыкаюсь при виде чайного цвета глаз и безмятежной улыбки.

Новый парень.

Наверняка из тех, что фоткают себя в зеркале, задрав футболку и выставив напоказ рельеф пресса — фото с такими типами я часто кидаю в свой паблик.

Мамочки, он идеален настолько, что сердце уходит в пятки.